

Е. С. Наумова

Московский физико-технический институт (Национальный исследовательский университет). Россия. naoumova_e_s@mail.ru

МИФОПОЭТИКА ГЕЛИОСА В ТРАКТАТЕ ФИЛОНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО «О СОТВОРЕНИИ МИРА»

Цель нашей работы — выяснить специфику изображения Солнца в библейском трактате Филона Александрийского «О сотворении мира» путем анализа контекстов со словом ἥλιος и понять, можно ли говорить о мифопоэтике Солнца у этого автора.

Основным нашим выводом является то, что, с одной стороны, Филон продолжает древнегреческую мифопоэтическую традицию изображения Солнца, идущую еще от Гомера, а с другой стороны, добавляет в него глубокое философское содержание, основываясь на идеях предшествующей ему греческой философии.

Ключевые слова: мифопоэтика, световая лексика, Гелиос, Солнце, Филон Александрийский, изображение времени.

E. S. Naumova

Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University).
Russia. naoumova_e_s@mail.ru

The mythopoetics of Helios in Philo of Alexandria's treatise *On the Creation of the World*

As the researcher of Philo of Alexandria E. D. Matusova points out, the so-called biblical treatises of this author «are a philosophical allegorical commentary on the Greek translation of the Pentateuch of Moses, as well as the prophets and psalms (Septuagint)» (Matusova 2008: 770). Of the 37 more or less fully preserved treatises of Philo, 29 are biblical.

Our research aims at a most detailed consideration of contexts with the words of the semantic field of light in one of Philo's biblical treatises, *On the Creation of the World*. The purpose of our work is to find out the specifics of the image of sun in Philo and try to understand whether it is possible to talk about the mythopoetics of sun in this author. By mythopoetics we mean «the section of poetics that studies the mythological structures of the work», «the fundamental inclusion of myth (mythological plot, image, motif, etc.) in the text of the work» (Gabrielyan 2018: 163).

The subject in consideration are the contexts with the word ἥλιος 'sun'. According to the Full Index of Greek words of the Writings of Philo of Alexandria (Borgen, Fuglseth, Skarsten 2000), other Greek words of the semantic field of light in his treatises include i.a.: ἀκτίς 'ray' 14 occurrences; ἀγλή 'radiance, light, ray' 55; λαμπρός 'light, brilliant' 204; φῶς 'light' (and cognate φωσφορέω, φωσφόρος, φωτίζω, φωτισμός,

φωτοειδής) 358–359, etc. A detailed study of contexts with all these words is beyond the scope of this study, except for those cases where they appear together with ἥλιος.

Our main conclusion is that, on the one hand, Philo continues the ancient Greek mythopoetic tradition of depicting sun that goes back to Homer and, on the other hand, imbues it with a deep philosophical content based, primarily, on Platonism.

Keywords: mythopoetics, light vocabulary, Helios, the sun, Philo of Alexandria, the image of time.

1. Введение

Как указывает исследователь творчества Филона Александрийского Е. Д. Матусова, т. н. библейские трактаты этого автора «представляют собой философский аллегорический комментарий к греческому переводу Пятикнижия Моисея, а также пророкам и псалмам (Септуагинте)» (Matusova 2008: 770). Из 37 более или менее полно сохранившихся трактатов Филона таких произведений 29.

В своем труде по позднему эллинизму А. Ф. Лосев приводит основные результаты общего исследования символики и терминологии света у Филона Александрийского, проведенного Ф.-Н. Клейном (Losev 1980: 102–105; Klein 1962¹).

В задачи нашего исследования входит максимально подробное рассмотрение контекстов со словами семантического поля света только в трактате Филона «О сотворении мира». Отметим при этом, что несмотря на то, что, по мнению некоторых (напр., Анна Пассони Дель Аква), поскольку Филон использует философскую экзегезу, к его произведениям следует применять скорее философский, чем филологический подход (Calabi 2003: 24), мы считаем вполне уместным применить к его произведениям филологические методы.

Филон жил на стыке I в. до н. э. и I в. н. э. (ок. 20 до н. э. — ок. 40 н. э.), т. е., по классификации А. Ф. Лосева, в период перехода от среднего к позднему эллинизму, когда в философии неоплатонизма «философия стала мифологией» (Losev 2005: 112). Цель нашей работы — выяснить специфику изображения Солнца у Филона и попытаться понять, можно ли говорить о мифопоэтике Солнца у этого автора. Под мифопоэтикой мы понимаем «раздел поэтики, который изучает

¹ К сожалению, на данный момент в силу ряда обстоятельств работа Ф.-Н. Клейна нам недоступна, поэтому в данной работе мы будем опираться на изложение А.Ф. Лосева.

мифологические структуры произведения», «фундаментальную включенность мифа (мифологического сюжета, образа, мотива и т.д.) в текст произведения» (Gabryelyan 2018: 163).

Основным предметом рассмотрения являются контексты со словом ἥλιος Солнце. Подробное изучение контекстов с другими словами семантического поля света в древнегреческом языке, встречающимися в трактатах Филона (по Полному индексу греческих слов Сочинений Филона Александрийского Боргена-Фуглсета-Скарстена (Borgen, Fuglseth, Skarsten 2000: ἀκτίς луч 14; αὐγή сияние, свет, луч 55; λαμπρός светлый, блестящий 204; φῶς свет (а также однокоренные с ним φωσφορέω, φωσφόρος, φωτίζω, φωτισμός, φωτοειδής) 358–359 и др.) выходит за рамки данного исследования, за исключением тех случаев, когда данные слова появляются в тех же местах произведения Филона, что и ἥλιος.

2. Трактат «De officio mundi»: основные характеристики

Отечественный исследователь творчества Филона В.Ф. Иваницкий так характеризует этот трактат Филона: «Сочинение De off. mundi по своей важности для ознакомления с взглядами Филона занимает, несомненно, одно из первых мест в ряду всех трудов нашего автора. (...) Его цель — дать философски осмысленное изложение истории миротворения в ее целом; причем последняя интересует Филона опять-таки не сама по себе, а со стороны своей связи с Моисеевым законодательством, как введение в него» (Ivanitsky 1911: 247–248).

Как считает Е. Д. Матусова, основная задача аллегорического комментария Филона к Септуагинте «усмотреть как можно больше тем, связанных со специальной, по преимуществу, платонической, этикой и теологией в ветхозаветном тексте» (Matusova 2000: 22). У Филона «на первом месте оказывается Моисей, затем Пифагор (либо пифагорейцы), непосредственно за которым следуют Сократ, Платон, а также Аристотель и перипатетики» (Matusova 2001: 46).

В. Н. Зацепин отмечает, что «у Филона законы Моисея являются истинной философией» (Zatsepin 2004: 132).

Что касается общего построения трактата, К. Шенк в общем обзоре творчества Филона замечает, что в нем «выдерживается основная сюжетная линия рассказа о сотворении мира. Трактат делится на две части, соответственно двум рассказам о

сотворении. Грубо говоря, первые две трети трактата представляют собой комментарий на 1-ю главу Бытия (13–128), а последняя треть — на 2-ю и 3-ю главы (129–170а)» (Шенк 2007: 164).

Обратимся теперь к анализу имеющихся контекстов со словом ἥλιος.

3. Контексты со словом ἥλιος Солнце

Прежде всего, следует отметить, что практически везде по ходу трактата Солнце неотделимо от Луны и других планет и неподвижных звезд, и, в отличие, скажем, от ранних (напр., гомеровских) представлений, не воспринимается отдельно от них, как самостоятельно действующий персонаж (как в *Hom. Od. I. 9*). Частично такое представление мы встречаем уже у Гомера, когда применяются формулы ὑπ' ἡῶ τ' ἡέλιόν τε (*Hom. II. V, 267*), πρὸς ἡῶ τ' ἡέλιόν τε (*Hom. II XII, 239; Od. IX, 26*)², а у Гесиода в «Теогонии» в группе с Эос и Гелиосом появляется уже и Селена Ἡῶ τ' Ἡέλιόν τε μέγαν λαμπράν τε Σελήνην (*Hes. Theog. 19*).

В связи с этим необходимо отметить, что восприятие световых божеств как особой группы характерно уже для V в. до н. э., когда, по словам исследователя их иконографии Леона Лакруа, в целом растет общее число вазовых и скульптурных их изображений, что указывает нам «на то место, которое астральные божества стали занимать в умах греков с начала V в. до н. э.» (Lacroix 1974: 105; Naumova 2023: часть 3).

В труде же Филона основным в восприятии Солнца следует считать то, что оно создается из бестелесного, умопостигаемого света, который Творец создает «в первую очередь»:

Orif. 29, 1: πρῶτον οὖν ὁ ποιῶν ἐποίησεν οὐρανὸν ἀσώματον καὶ γῆν ἀόρατον καὶ ἀέρος ἰδέαν καὶ κενού· ὧν τὸ μὲν ἐπεφήμισε σκότος, ἐπειδὴ μέλας ὁ ἀήρ τῇ φύσει, τὴν δ' ἄβυσσον, πολύβυθον γὰρ τὸ γε κενὸν καὶ ἀχανές· εἴθ' ὕδατος ἀσώματων οὐσίαν καὶ πνεύματος καὶ ἐπὶ πᾶσιν ἐβδόμου φωτός, ὃ πάλιν ἀσώματων ἦν καὶ νοητὸν ἡλίου παράδειγμα καὶ πάντων ὅσα φωσφόρα ἄστρα κατὰ τὸν οὐρανὸν ἔμελλε συνίστασθαι.

«Итак, в первую очередь Творец создал бестелесное небо и невидимую землю, и идею воздуха и пустоты; из которых одну

² См. подробно о Гелиосе и Эос у Гомера: Naumova 2017: 40, 42–43.

он назвал мраком, так как воздух черный по природе, другую — бездной, так как пустота очень глубока и необъятна; затем бестелесную сущность воды и духа и затем, седьмой, — свет, который также был бестелесным, и умопостигаемый образец **Солнца**, и всех других светил, которые должны быть на небе»³.

Ср. также:

Orif. 33, 1: μετὰ δὲ τὴν τοῦ νοητοῦ φωτὸς ἀνάλαμπιν, ὃ πρὸ **ἡλίου** γέγονεν, ὑπεχώρει τὸ ἀντίπαλον σκότος, διατειχίζοντος ἀπ' ἀλλήλων αὐτὰ καὶ διστάντος θεοῦ τοῦ τὰς ἐναντιότητας εἶς εἰδότος καὶ τὴν ἐκ φύσεως αὐτῶν διαμάχην.

«А после того, как воссиял умопостигаемый свет, который родился до **Солнца**, его противник мрак отступал; Бог отгородил их стеной друг от друга и разделил, хорошо зная об их противоположностях и о борьбе между ними».

Между днем и ночью Творец создает границы:

Orif. 34, 1; 34, 1: οὗτοι δ' εἰς ἑσπέρα τε καὶ πρωῖα, ὧν ἡ μὲν προευαγγελίζεται μέλλοντα **ἡλιον** ἀνίσχειν ἡρέμα τὸ σκότος ἀνείργουσα, ἡ δ' ἑσπέρα καταδύντι ἐπιγίνεται **ἡλίῳ** τὴν ἀθρόαν τοῦ σκότους φορὰν πρῶως ἐκδεχομένη.

«А это вечер и утро, из которых последнее возвещает благуя весть о том, что **солнце** вот-вот взойдет и сдержит мрак, а вечер следует за заходящим **солнцем** и мягко готовит общее наступление темноты».

Солнце необходимым образом противостоит мраку, как день — ночи:

Orif. 30,4: Προνομίας δὲ τὸ τε πνεῦμα καὶ τὸ φῶς ἤξιοῦτο· τὸ μὲν γὰρ ὠνόμασε θεοῦ, διότι ζωτικώτατον τὸ πνεῦμα, ζωῆς δὲ θεὸς αἴτιος, τὸ δὲ φῶς <φησιν> ὅτι ὑπερβαλλόντως καλόν· τοσοῦτω γὰρ τὸ νοητὸν τοῦ ὁρατοῦ λαμπρότερόν τε καὶ αὐγοειδέστερον ὄσῳ περ **ἡλιος**, οἶμαι, σκότους καὶ ἡμέρα νυκτὸς καὶ [τὰ κριτήρια] νοῦς, ὃ τῆς ὅλης ψυχῆς ἡγεμών, ὀφθαλμῶν σώματος.

«А дух и свет он считал достойными первенства; дело в том, что первое он назвал дыханием божьим, так как дух в высшей степени преисполнен жизни, а бог — причина жизни, а о свете <он говорит> что он чрезвычайно прекрасен; ибо настолько умопостигаемое лучезарнее и блистательнее видимого, насколько **солнце**, я думаю, — мрака, день — ночи, а ум, предводитель всей души, — внешних чувств, глаз тела».

³ При переводе контекстов Филона на русский язык нами использованы издание: Rupia 2001. Благодарим также к.ф.н., доцента кафедры классической филологии Я. Л. Забудскую за обсуждение работы.

Говоря дальше о сотворении мира, Филон ставит между невидимым и умопостигаемым светом и сотворенным Солнцем божественный Логос:

Orif., 31, 4: τὸ δὲ ἀόρατον καὶ νοητὸν φῶς ἐκεῖνο θεῖου λόγου γέγονεν εἰκὼν τοῦ | διερμηνεύσαντος τὴν γένεσιν αὐτοῦ· καὶ ἔστιν ὑπερουράνιος ἀστήρ, πηγὴ τῶν αἰσθητῶν ἀστέρων, ἦν οὐκ ἂν ἀπὸ σκοποῦ καλέσειεν ἂν τις παναύγειαν, ἀφ' ἧς ἥλιος καὶ σελήνη καὶ οἱ ἄλλοι πλάνητές τε καὶ ἀπλανεῖς ἀρύτονται, καθ' ὅσον ἐκάστω δύνამις, τὰ πρέποντα **φέγγη**.

«А этот невидимый и умопостигаемый свет стал образом божественного Логоса, который истолковал его творение. И (этот свет) есть наднебесная звезда, источник видимых звезд, которую вы бы не ошиблись, назвав «средоточием света», от которого **Солнце** и Луна, и другие планеты и неподвижные [звезды] черпают, насколько у каждой имеется способность, соответствующее **сияние**».

По мнению Филона, когда мир был уже сотворен, а людей еще не было, Творец понимал, какими они будут, что они сосредоточат «свою цель на том, что вероятно и убедительно и содержит много разумного, но не на неизменной истине» и будут доверять «явлениям, а не Богу, тем самым демонстрируя восхищение софистикой, а не мудростью» (*Orif.* 45, 3). Он продолжает:

Orif. 45, 5: κατιδόντες τε αὖθις τὰς ἡλίου καὶ σελήνης περιόδους, δι' ὧν θέρη χειμῶνες καὶ ἔαρος καὶ μετοπώρου τροπαί, τῶν ἐκ γῆς ἀνὰ πᾶν ἔτος φουμένων καὶ γιγνομένων ἀπάντων αἰτίας ὑπολήφονται τὰς τῶν κατ' οὐρανὸν ἀστέρων περιπολήσεις, ἵνα μηδενὶ γενητῶ τὰς πρώτας ἀνατιθέναι τινὲς τολμῶσιν ἢ διὰ θράσος ἀναίσχυντον ἢ δι' ἀμαθίαν ὑπερβάλλουσαν, ἀναδραμέτωσαν, φησί, ταῖς διανοίαις ἐπὶ τὴν πρώτην τῶν ὄλων γένεσιν, ὅτε πρὸς ἡλίῳ καὶ σελήνης παντοῖα μὲν φυτά, παντοίους δὲ καρποὺς ἤνεγκεν ἡ γῆ

«А когда они [люди — *Е.Н.*] наблюдают за вращениями **Солнца** и Луны, посредством которых происходят лето и зима, а также весеннее и осеннее солнцестояния, они могли бы предположить, что именно обращения небесных тел ответственны за появление и рост вещей на земле каждый год. Не желая, чтобы некоторые люди, либо из-за бесстыдной наглости, либо из-за чрезмерного невежества осмелились приписывать первопричины какому-либо сотворенному существу, он [Бог] говорит: Пусть они мысленно вернутся к первому появлению Вселенной, когда, еще до того, как появились **солнце** и луна, на

земле произрастали всевозможные растения и всевозможные плоды».

Далее специальное место Филон уделяет связи времени с Солнцем. В связи с этим отметим, что в древнегреческом поэтическом языке формулы с Солнцем регулярно использовались для описания времени, еще начиная с Гомера (Naumova 2017: 39). И далее в подавляющем числе произведений литературы Солнце регулярно упоминается для характеристики того или иного момента дня.

У Филона же мы читаем:

Opif. 56, 1: τοῦ δὴ σύμπαντος χρόνου διανεμηθέντος εἰς δύο τμήματα, ἡμέραν τε καὶ νύκτα, τῆς μὲν ἡμέρας τὸ κράτος ὁ πατήρ ἀνεδίδου τῷ ἡλίῳ, οἷα μεγάλῳ βασιλεῖ, τῆς δὲ νυκτὸς σελήνῃ καὶ τῷ πλήθει τῶν ἄλλων ἀστέρων.

«Поскольку, очевидно, все время было разделено на две части, день и ночь, Отец передал власть над днем Солнцу, как великому царю, в то время как власть над ночью была дана Луне и множеству оставшихся звезд».

Благодаря Солнцу существуют и времена года:

Opif. 60, 1: γεγόνασι δὲ καὶ πρὸς μέτρα χρόνων ἡλίου γὰρ καὶ σελήνης καὶ τῶν ἄλλων τεταγμέναις περιόδοις ἡμέραι καὶ μῆνες καὶ ἐνιαυτοὶ συνέστησαν.

«А они [времена года — Е.Н.] также появились для того, чтобы служить мерами времени, ибо благодаря упорядоченным вращениям Солнца, Луны и других небесных тел были созданы дни, месяцы и годы».

Отождествление Солнца с Зевсом мы встречаем, пожалуй, впервые в более или менее ясной форме у Софокла, когда в «Эдипе-царе» Гелиос называется «вождем всех богов» (Soph. *O.T.* 660), а в «Эдипе в Колоне» Зевс, в свою очередь, принимает на себя характеристики солнечного божества: в образе «всегда смотрящего диска Зевса» (Soph. *O.C.* 704–705) два божества полностью объединены (Naumova 2017: 62, 66). У Филона же о величии и господстве Солнца говорится в связи с управлением днем:

Opif. 57, 1: τὸ δὲ μέγεθος τῆς περὶ τὸν ἡλιον δυνάμεως καὶ ἀρχῆς ἐμφανεστάτην πίστιν ἔχει τὴν λεχθεῖσαν ἤδη· εἷς γὰρ ὢν καὶ μόνος ἰδίᾳ καὶ καθ' αὐτὸν ἥμισυ τμήμα τοῦ σύμπαντος χρόνου | κεκλήρωται τὴν ἡμέραν, οἱ δ' ἄλλοι πάντες μετὰ σελήνης θάτερον ὁ κέκληται νύξ·

«А величие силы и господства, которыми обладает **Солнце**, наиболее ясным доказательством имеет то, что уже было сказано: дело в том, что хотя солнце едино и совершенно одиноко само по себе, ему отведен день, составляющий половину всего времени, тогда как все остальные небесные тела вместе с Луной, являются другой половиной, которая была названа ночью».

Рассуждая еще раз о весеннем и осеннем равноденствиях, Филон отмечает:

Orif. 116, 1: ὁ τε μέγας ἡγεμὼν ἡμέρας ἥλιος διττὰς καθ' ἕκαστον ἐνιαυτὸν ἀποτελῶν ἰσημερίας, ἕαρι καὶ μετοπώρῳ, τὴν μὲν ἑαρινὴν ἐν κριῶ, τὴν δὲ μετοπωρινὴν ἐν ζυγῶ, ἐναργεστάτην παρέχεται πίστιν τοῦ περὶ τὴν ἐβδόμην θεοπροποῦς:

«Великий правитель дня, **Солнце**, совершая два равноденствия каждый год, весной и осенью — весеннее равноденствие в Овне, а осеннее — в Весах, — дает ярчайшее доказательство величия семи».

Как он пишет далее, объясняется это тем, что «каждое из этих равноденствий приходится на седьмой месяц, и в обоих случаях законом предписано отмечать самые крупные и популярные общественные праздники». К. Шенк, обращаясь к этому месту, отмечает, что рассуждению о цифре 7 посвящена «значительная часть трактата», «позволяющая нам в полной мере оценить его любовь к игре чисел, а также влияние, оказанное на его мировоззрение пифагореизмом (89–128)» (Шенк 2007: 164–165).

Говоря же далее о человеке, Филон утверждает:

Orif. 147, 5: πρὸς δὲ καὶ οὐράνιον, διὰ τῆς ἡγεμονικωτάτης τῶν αἰσθήσεων ὄψεως ἥλιῳ καὶ σελήνῃ καὶ ἐκάστῳ τῶν ἄλλων ἀστέρων πλανήτων καὶ ἀπλανῶν συνεγγίζων

«(...) к тому же, он является и небесным, потому что с помощью зрения, самого направленного из чувств, он приближается к **Солнцу** и Луне, а также к каждой из других планет и неподвижных звезд».

Заметим, что о «связи между светом, испускаемым телом одушевленным или неодушевленным, и даром зрительного восприятия источника этого света» говорил в свое время еще Шарль Мюглер в специальном исследовании «Гелиос у Гомера» (Mugler 1976: 285). Слова, связанные со зрением солнечного божества, с его остротой, являются одной из основных его характеристик, начиная с Гомера (Naumova 2017: 48–49).

Но главным в характеристиках Солнца остается, со времен сотворения мира, его сияние:

Orif. 168, 1: οἶμαι γὰρ ἄν ὥσπερ ἥλιον καὶ σελήνην αἰεὶ φωσφορεῖν ἅπαξ κελευσθέντας ἅμα τῇ πρώτῃ γενέσει τοῦ παντός καὶ τὸ θεῖον πρόσταγμα διατηρεῖν οὐδενὸς ἐτέρου χάριν ἢ ὅτι | τῶν ὄρων οὐρανοῦ μακρὰν κακία πεφυγάδεται

«Дело в том, что я верю, что точно так же, как **Солнце** и Луна всегда **сияют** после того, как им однажды было приказано сделать это при первом зарождении Вселенной, и продолжают соблюдать божественное повеление только по той причине, что зло было изгнано далеко за пределы небес».

4. Заключение

Таким образом, основным нашим выводом из рассмотрения контекстов со словом ἥλιος у Филона следует признать то, что, с одной стороны, он продолжает древнегреческую мифопоэтическую традицию изображения Солнца, идущую еще от Гомера, а, с другой стороны, добавляет в него глубокое фило-софское содержание, основываясь на идеях предшествующей ему греческой (в первую очередь, платоновской) философии.

Литература

- Borgen, P., Fuglseth, K., Skarsten, R. 2000: *The Philo Index. A Complete Greek Word Index to the Writings of Philo of Alexandria*. Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company. Cambridge, U.K. Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Calabi, F. 2003: *Italian Studies on Philo of Alexandria* / ed. by Calabi F. Boston: Brill Academic Publishers.
- Gabryelyan, O. A. 2018: [Mythopoetics of Culture: towards a Possible Research Methodology]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo* [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University] 4 (40), 3, 158–166.
- Габриелян, О. А. 2018: Мифопоэтика культуры: к возможной методологии исследования. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*. Философия. Политология. Культурология. 4 (40), 3, 158–166.
- Ivanitsky, V. F. 1911: *Filon Aleksandrijskij. Jizn` I obzor literaturnoj deyatelnosti* [*Philo of Alexandria. Life and review of literary activity*]. Kiev.
- Иваницкий, В. Ф. 1911: *Филон Александрийский. Жизнь и обзор литературной деятельности*. Киев: Тип. Акц. О-ва «Петр Барский в Киеве».
- Klein, F. N. 1962: *Die Lichtterminologie bei Philo von Alexandria und in der hermetischen Schriften. Untersuchungen zur Struktur der religiösen Sprache der hellenistischen Mystik*. Leiden: Brill.

- Lacroix, L. 1974: *Études d'archéologie numismatique*. Paris, De Boccard.
- Losev, A. F. 1980: *Istoriya antichnoy estetiki. Tom VI. Pozdnyy ellinizm* [The history of ancient aesthetics. Volume VI. Late Hellenism]. Moscow.
Лосев, А. Ф. 1980: *История античной эстетики. Том VI. Поздний эллинизм*. М.: Искусство.
- Losev A. F. 2005: *Istoriya antichnoy filosofii v konspektivnom izlozhenii* [The history of ancient philosophy in a summary] Moscow.
Лосев, А. Ф. 2005: *История античной философии в конспективном изложении*. М.: ЧеРо.
- Matusova, E. D. 2000: *Filosofskaya ekzegeza Vethogo Zaveta u Filona Aleksandrijskogo: istoki i traditsiya* [Philo of Alexandria's Philosophical Exegesis of the Old Testament: Origins and Tradition. Ph. D. of Philosophy] Moscow.
Матусова, Е. Д. 2000: *Философская экзегеза Ветхого Завета у Филона Александрийского: истоки и традиция*. Дисс. канд. филос.н. М.
- Matusova, E. D. 2001: [Philo of Alexandria and the Greek Doxography]. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History], 1, 40–52.
Матусова, Е. Д. 2001: Филон Александрийский и греческая доксография. *ВДИ* 1, 40–52.
- Matusova, E. D. 2008: Filon Aleksandrijskij. In: *Antichnaya filosofiya: Encyclopedicheskij slovar*. [Philo of Alexandria. In: *Ancient Philosophy: An Encyclopedic Dictionary*] Moscow.
Матусова, Е. Д. 2008: Филон Александрийский. *Античная философия: Энциклопедический словарь*. М.: Прогресс-Традиция, 769–776.
- Mugler Ch. 1976: Hélios chez Homère. Liberté et servitude, *LAMA (Centre de Recherches Comparatives sur les Langues de la Méditerranée Ancienne, Université de Nice)* 3, 282–288.
- Naumova E. S. 2017: *Apollon i Gelios v grecheskom mire: k probleme otojdestvleniya bogov v antichnoj mifologii i religii* [Apollo and Helios in the Greek World: on the Problem of Identification of the Gods in Ancient Mythology and Religion] Moscow.
Наумова, Е. С. 2017: *Аполлон и Гелиос в греческом мире: к проблеме отождествления богов в античной мифологии и религии*. М.: Русайнс.
- Naumova, E. S. 2023: [The Mythopoeitics of Helios in Iconography: towards the formulation of the problem] *Kafedra* [Department] 15 (2, 2023) (in press).
Наумова, Е. С. 2023: Мифопоэтика Гелиоса в иконографии: к постановке проблемы. *Кафедра*, 15 (2, 2023) (in press)
- Shenk K. 2007: Philo of Alexandria. *Introduction to life and creativity*. [Filon Aleksandrijskij. Vvedenie v jizn I tvorchestvo]. Moscow.

- Шенк, К. 2007: *Филон Александрийский. Введение в жизнь и творчество*. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея.
- Runia D. T. 2001: *Philo of Alexandria. On the Creation of the Cosmos according to Moses* (Introduction, Translation and Commentary). Leiden; Boston; Köln: Brill.
- Zatsepin, V. N. 2004: *Spetsifika religioznogo mirovozzrenia Filona Aleksandriiskogo* [*The specifics of the religious worldview of Philo of Alexandria. Ph.D. of Philosophy*]. Moscow, Ph.D.
- Зацепин, В. Н. 2004: *Специфика религиозного мировоззрения Филона Александрийского. Дисс. канд. филос.н. М.*